

Владимир Иванов

МИМО МУЗЫКИ

РАЗВОД

Говорит, что жить не может
Без нее, и ворот рвет.
Выяснить — себе дороже,
Врет он нам или не врет.

Щупать пульс? Помилуй, Боже!
Не настолько брат наш глуп.
Значит, где же мы и кто же,
Если он и вправду труп?!

Нас и так от местных плясок
В пот бросает ледяной,
Как ефрейторов запаса
Перед ядерной войной.

ФОРТОЧКА

Повторно открыть не попросит окна.
Тебя не расслышали, ну же!
Но словно пожаром гортань сожжена
И оловом залиты уши.

В трамвае, расшатанном, как дровенник,
От зноя я мучаюсь тоже,
И тоже немотствую, глядя на них —
Собратьев моих краснокожих.

Молчим, будто знаем, глаголы не те
Исторгнет наш зев коммунальный,
А те — на дельфиньей звучат частоте,
Сплетаясь в этюд музыкальный.

Лишь старый кондуктор бранится и прет
Сквозь строй кардиганов и маек,
Рывком запускает в вагон кислород
И музыки не понимает.

ЖУЛИК

Выпиллил орден себе из фанеры,
Краской раскрасил — ношу,
Чтоб благородным девицам, к примеру,
На уши вешать лапшу.

Думал, сгодится для понта и форса,
Чтобы в доверье входить.
В старом кино откликался на «Фокса»
Орденосец-бандит.

Но оказалось, что глуп я без меры,
Взявшись былье ворошить...
Там — нам салют отдают пионеры,
Здесь — до рассвета б дожить.

Даже вокзальная б.... плечевая,
Цацку заметив на мне,
Морщится, взглядом меня убивая,
Как на гражданской войне.

У гробовых нескончаемых крышек
Прячу свой крест под ладонь.
Новый для новых зажгут ребятишек
Медленный вечный огонь.

• • •

Двоим понравилась одна.
Они пошли за ней,
Но наступила им война
На краешки теней.

Давались все трудней шаги
Влюбленным бурлакам —
Цеплялась смерть за башмаки
И ветер в грудь толкал.

Касались галстуки земли,
Вздувались вен бугры,
А тени вспять их волокли,
В свои тартарары.

Впрягался в них линкор и танк,
И пешие полки,
И вязли в собственных следах
Бедняги бурлаки.

И вязли в собственных слезах,
И грызли удила...
А эта фифа, так-растак,
Ушла, как не была.

И мирный город на горе
В петле большой реки
Казался мухой в янтаре
Для будущей серьги.

• • •

Из болот подняли самолет.
Ахнули: как летчик сохранился!

Будто снова сорок третий год,
Тот, в котором он и приводнился.

Чистый лоб, упрямая скула,
На щеке гагаринская ямка...
Впрочем, к ямке насмерть приросла
Шлемофона кожаная лямка.

Выдохнул болотный институт —
Кончена нелегкая работа.
Труп хранить нетленным — это труд,
Адский труд, достойный идиота.

Ты у бальзаматора спроси,
Что кошмаром мухи в саркофаге
Жил и выл, мол, чашу пронеси,
И на койке вскакивал во мраке.

От бессонниц высох, стал, как тень,
Хоть справляй прижизненно поминки,
Но без тени лени всякий день
С мумии вождя сдувал пылинки.

Редкий смертный вынес столько мук,
Сколько их хлебнул профессор Збарский.
И кремлевский человек-паук
Воздавал чудеснику по-царски.

Дал звезду, а после посадил.
Но и там, в спасительном ГУЛАГе,
Он в бреду под пытками твердил
О какой-то мухе в саркофаге.

Боже, отдохнем ли? Отдохнем.
Вынырнем кувшинками в тумане,
Если небу летчика вернем,
Если по-людски его помянем.

ВОСКРЕСНЫЕ ТАНЦЫ

Мимо музыки танцуют
Абсолютно все, все, все.
В глине тапочки буксуют,
Дождик каплет — быть грозе.

Здесь не клуб, а танцплощадка —
Вмиг промокнешь до трусов.
Страж порядка, для порядка
Бьет мокриц и мокрецов.

Если вырубили рупор,
Продолжаем танцевать.
Это страшно, это глупо,
Мы придем сюда опять.

